

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ: ПОЛЕВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ.	7
1. КИТАЙ: ОТ ГОЛОДА К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ЧУДУ.	19
Великий голод	19
Путь Китая к капитализму	27
2. АФРИКА: КАПИТАЛИЗМ БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВЕН В БОРЬБЕ С БЕДНОСТЬЮ, ЧЕМ ИНОСТРАННАЯ ПОМОЩЬ.	44
Иностранная помощь: в лучшем случае бессмысленна, в худшем — вредна	46
От государственного контроля к свободной рыночной экономике?	49
Коррупция: причины и следствия	51
Африка: меняющийся континент	53
Природные ресурсы: благословение или проклятие?	55
Предприниматели Африки и новый средний класс.	60
Роль Китая в Африке	64
Африка: вторая Азия?	66
3. ГЕРМАНИЯ: «МЕРСЕДЕС» НА «ТРАБАНТЕ» НЕ ОБГОНИШЬ	71
Социалистическая плановая экономика в Восточной Германии	71
Социальная рыночная экономика Западной Германии.	86
4. СЕВЕРНАЯ И ЮЖНАЯ КОРЕИ: КИМ ИР СЕН ПРОТИВ МУДРОСТИ РЫНКА	97
Северная Корея и доктрина Ким Ир Сена и Ким Чен Ира	100
Южная Корея	106
5. СТАВКА НА РАСШИРЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА: РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ ТЭТЧЕР И РЕЙГАНА В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США	115
Рыночные реформы Тэтчер в Великобритании	115
Рыночные реформы Рональда Рейгана в США	128

6. Южная Америка: почему чилийцы живут лучше венесуэльцев?	138
Венесуэла: «социализм XXI века»	138
Чили: от социализма к капитализму свободного рынка	148
7. Швеция: миф о скандинавском социализме	159
Социалистическая фаза Швеции	163
Постсоциалистическая Швеция	171
8. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СВОБОДА ПОВЫШАЕТ БЛАГОСОСТОЯНИЕ ЛЮДЕЙ	177
12 компонентов экономической свободы, измеряемых в индексе	179
Индекс развития человеческого потенциала	186
9. ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС: КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА?	187
Вмешательство Федеральной резервной системы привело к катастрофическим последствиям	187
Политкорректное кредитование	192
Кризис зоны евро: примат политики	200
Провал рынка?	203
10. ПОЧЕМУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ НЕ ЛЮБЯТ КАПИТАЛИЗМ	208
Антикапитализм как светская религия	210
Теоретические конструкции против стихийного возникновения	215
Чрезмерная зависимость от явного обучения	226
11. НАСТОЯТЕЛЬНЫЙ ПРИЗЫВ К ПРОКАПИТАЛИСТИЧЕСКИМ РЕФОРМАМ	242
Перераспределение или экономический рост?	244
Расширение государственного вмешательства	246
БИБЛИОГРАФИЯ	256
ОБ АВТОРЕ	271
ПРИМЕЧАНИЯ	273
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	296

ВВЕДЕНИЕ: ПОЛЕВЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Для многих людей крах одного социалистического режима за другим в конце 1980-х годов прочно утвердил рыночный капитализм в качестве более совершенной системы. Тем не менее антикапиталистический ресентимент* — иногда скрытый, иногда выраженный открыто — не только все еще сохраняется в некоторых кругах, но и приобрел значительную силу после финансового кризиса 2008 г. Разработчики социально-экономической политики, комментаторы СМИ и интеллектуалы почти единодушно интерпретируют кризис как провал рынка, или капиталистической системы, который можно преодолеть только за счет большего вмешательства государства.

Эта книга была написана как ответ на эти взгляды и продиктована беспокойством о том, что мы вот-вот откажемся от основ, на которых зиждется наше экономическое процветание. Первое издание вышло в Германии в 2018 г. под названием «Капитализм — это не проблема, а решение», а затем последовали издания на английском, корейском, итальянском, испанском и португальском языках. Издание, которое вы сейчас читаете, является версией, обновленной в марте 2022 г.

Для многих людей «капитализм» — это ругательство. Хотя эти негативные коннотации возникли задолго до финансового кризиса, сторонники подлинно свободного рынка все чаще сталкиваются с обвинениями в «рыночном радикализме».

Современная экономика может быть организована на основе одного из двух базовых принципов. В первом варианте

---

* Ресентимент — чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врагом»), бессильная зависть, «тягостное сознание тщетности попыток повысить свой статус в жизни или в обществе». — *Прим. перев.*

отсутствует частная собственность на землю и средства производства и все активы принадлежат государству. Что и в каком количестве производить, решают государственные органы, отвечающие за экономическое планирование. Во втором сценарии право частной собственности гарантировано и предприниматели действуют в рамках правового поля, производя продукцию, которая, по их мнению, нужна потребителям. Цены, которые они могут выручить за свою продукцию, служат мерилем того, насколько верными были их предположения, или, иными словами, насколько предложение продукции соответствовало спросу потребителей на эту продукцию. Первое определение описывает социалистическую систему, второе — капиталистическую. На протяжении всей этой книги последний термин будет использоваться для обозначения подлинно свободной рыночной экономики, а не ее невнятной версии, иногда определяемой как «социальная» или «экосоциальная» рыночная экономика.

В действительности ни одна из этих двух систем не существует сегодня и никогда не существовала в чистом виде. Даже в таких социалистических странах, как Германская Демократическая Республика (ГДР) или даже Северная Корея, некоторые люди владели или владеют частной собственностью, а всеобъемлющий экономический план никогда полностью не подавлял все элементы свободного рынка. Без этих элементов экономика рассматриваемых стран работала бы еще хуже. Хотя в социалистической экономике цены номинально существуют, функция, которую они выполняют, радикально отличается от их функции в капиталистической экономике. По сути, они больше похожи на налоги, как отметил экономист Чжан Вэйинг¹.

В свою очередь, в капиталистической экономике существует определенная степень государственной собственности и регулирующего вмешательства, а налоги во многом представляют собой систему перераспределения, которая отнимает у богатых и отдает среднему классу и бедным. Экстремальным примером такого перераспределения может служить Швеция 1970-х годов, а Великобритания того же периода дает отрезвляющий пример негативных экономических последствий избыточного государственного вмешательства в экономику

и показывает, что ограничение такого вмешательства имеет ключевое значение для роста благосостояния.

Ни в одной из стран, представленных в этой книге, не действует «чистая» форма капитализма. В каждом случае важным вопросом является пропорция, или баланс, между регулирующим вмешательством и свободой предпринимательства. Главный аргумент, предлагаемый в этой книге, заключается в том, что увеличение доли капиталистических элементов в данной экономике, как правило, приводит к ускорению экономического роста, что увеличивает благосостояние большинства людей, живущих в этой экономике. Ярким примером этого служит развитие Китая на протяжении последних десятилетий.

Авторы многих книг пытаются доказать, что одна из двух экономических систем превосходит другую. Мы решили пойти другим путем. Вместо того чтобы рассматривать предмет с теоретической точки зрения, эта книга опирается на экономическую историю. В отличие от социализма капитализм не является системой, изобретенной интеллектуалами. Он органично эволюционировал на протяжении веков, точно так же, как растения и животные эволюционировали в природе и продолжают развиваться, не нуждаясь в централизованном планировании или теоретизировании. Среди наиболее важных открытий экономиста и философа Фридриха Хайека — понимание того, что истоки хорошо функционирующих институтов следует искать «не в чьем-то плане или замысле, а в выживании преуспевающих»², причем процесс отбора происходит «путем подражания успешным институтам и привычкам»³.

Самая большая ошибка, объединяющая разного рода социалистов с руководителями центральных банков, заключается в убеждении, что несколько назначенных мастеров планирования способны определить, что нужно людям, лучше, чем миллионы предпринимателей, инвесторов и потребителей, чьи индивидуальные решения в совокупности на самом деле намного превосходят решения любого государственного планового ведомства, центрального банка или другого органа государственного регулирования.

Именно поэтому попытки навязать рыночную экономику «сверху вниз» остаются в основном безуспешными, хотя, для

того чтобы капиталистические системы работали, некоторые политические стимулы, конечно, необходимы. Более пристальный взгляд на Китай покажет, что успешный переход этой страны к капитализму во многом был обусловлен формированием капиталистических экономических практик «снизу вверх» и их широким распространением, — ничего из этого не было бы возможно без терпимости к таким практикам «наверху», со стороны политических лидеров, таких как Дэн Сяопин. Дэн и его коллеги-реформаторы были достаточно умны, чтобы не изобретать новую систему, основанную на идеалах. Они сделали две вещи: во-первых, вместо того чтобы пытаться запретить или обуздать стихийное развитие событий по всей огромной стране, они позволили им развиваться органично. Во-вторых, они внимательно изучили опыт множества других страны, чтобы понять, что работает, а что нет, а затем внедрили эти знания у себя дома.

В этой книге я использую аналогичный подход: рассматриваю, что сработало, а что нет. Я сравниваю страны, которые напрашиваются на сравнение, потому что у них много общего в истории и культуре: Северная и Южная Кореи, ГДР и ФРГ, Венесуэла и Чили. В книге также показано, как развитие капитализма и отступление социализма превратило Китай из грязной бедной страны, где менее 60 лет назад десятки миллионов людей умирали от голода, в крупнейшую в мире страну-экспортера, где голод был искоренен.

В то время как левые критики капитализма и глобализации обвиняют капитализм в том, что он является причиной голода и бедности в разных уголках мира, новейшая история Африканского континента дает множество примеров, доказывающих обратное: капитализм — это не проблема, а решение. Капитализм оказался более эффективным средством борьбы с бедностью, чем международная финансовая помощь. Исследования показывают, что в развивающихся странах, более ориентированных на рынок, уровень бедности составляет всего 10% по сравнению с 33% в развивающихся странах без свободного рынка⁴.

В целом большее вмешательство государства в экономику означает более низкие, в некоторых случаях даже отрицательные темпы роста, в то время как недавняя экономическая история США и Великобритании предоставляет убедительные

доказательства того, что более капиталистическое развитие ведет к более быстрому росту благосостояния для большинства людей. В 1980-х годах Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер — два политических лидера, твердо верившие в преимущества свободного рынка, — провели реформы, которые уменьшили влияние государства на экономику и значительно улучшили экономические перспективы в обеих странах. Как показывает пример Швеции, рассмотренный в главе 7, государственные программы социального обеспечения иногда могут подавлять экономический рост и должны быть сокращены.

За последние 70 лет эти эксперименты в реальном мире неизменно приводили к схожим результатам — огромный объем данных указывает на то, что больше капитализма означает большее процветание. Тем не менее во многих кругах сохраняется удивительное нежелание или неспособность извлечь уроки из этих результатов. В своих «Лекциях по философии истории» немецкий философ Георг Вильгельм Фридрих Гегель сказал: «Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее»⁵.

Даже если этот вердикт выглядит слишком суровым, кажется, что большинство людей не способны абстрагироваться и делать общие выводы из (некоторого) исторического опыта. Несмотря на многочисленные примеры того, что более капиталистическая экономическая политика ведет к большему процветанию (одни из них обсуждаются в этой книге, а другие, такие как Индия, Вьетнам и Польша, — нет), и несмотря на провал всех вариантов социализма, которые когда-либо испытывались в реальных условиях, многие люди по-прежнему отказываются усвоить очевидный урок.

После краха большинства социалистических систем в начале 1990-х годов попытки реализовать социалистические идеалы все еще предпринимаются в различных частях мира в тщетной надежде, что «на этот раз» результат будет другим, — совсем недавно в Венесуэле. Подобно тому как интеллектуалы западного мира были очарованы предыдущими социалистическими экспериментами, многие из них были очарованы попыткой Уго Чавеса перенести социализм в XXI век⁶. Как и в случае

с предыдущими крупномасштабными социалистическими экспериментами, последствия оказались катастрофическими, как показано в главе 6.

Даже в США сегодня многие молодые люди цепляются за «социалистическую» мечту — хотя система, которую они имеют в виду, является идеализированной и ошибочной версией социализма скандинавского типа, а не коммунизма советского периода. Однако в этой книге показано, что и этот вариант был основательно дискредитирован всеобъемлющим провалом в 1970—80-х годах (глава 7).

Я не слишком обеспокоен тем, что в ближайшее время в промышленно развитых странах Запада начнется широкомасштабная национализация активов и предприятий. Скорее, меня беспокоит гораздо большая и более непосредственная опасность постепенного свертывания капитализма, сопровождающегося увеличением полномочий государства по планированию и перераспределению. Центральные банки уже действуют так, как будто они являются органами планирования; изначально созданные для обеспечения стабильности денежной стоимости, сегодня они считают, что их задача — нейтрализовывать рыночные силы. Де-факто отменив рыночные процентные ставки, Европейский центральный банк частично деактивировал механизм образования цен, который является неотъемлемой чертой любой функционирующей рыночной экономики. Вместо того чтобы сдерживать чрезмерный государственный долг, это лишь усугубило проблему.

Экономист Томас Майер предупреждает: «Политика сохранения низких процентных ставок в течение длительного времени будет все сильнее искажать цены на активы и усиливать опасность очередного экономического краха с последующим финансовым кризисом, как только от этой политики откажутся»⁷. Не нужно обладать хрустальным шаром, чтобы предсказать, что в этих кризисах будет виноват «капитализм», хотя на самом деле они являются результатом нарушения капиталистических принципов. Неверный диагноз неизбежно приводит к назначению ошибочного лечения — в данном случае еще большего вмешательства государства в еще более ослабленный рынок.

Когда-то социалисты просто национализировали коммерческие предприятия. Сегодня элементы плановой экономики внедряются другими способами — все большим вмешательством государства в процессы принятия коммерческих решений и целым рядом налоговых и регулирующих мер, субсидий и юридических ограничений, стесняющих свободу предпринимателей. Такими методами в плановую экономику постепенно превращается энергетический рынок Германии.

Это возможно только потому, что многие просто не знают — или забыли, — что наш нынешний уровень процветания зиждется на фундаменте свободного рынка. Особенно это касается поколения миллениалов, чей опыт социалистических режимов в СССР и других странах Восточного блока, если он вообще есть, почерпнут исключительно из учебников истории. «Капитализм» и «свободный рынок» стали ругательствами.

Опросы, проведенные известной британской службой социологических исследований Ipsos MORI в 2021—2022 гг. в 21 стране Европы, США, Латинской Америки и Азии, показали, что только в четырех странах (Польша, США, Южная Корея, Япония) число людей, ассоциирующих капитализм с положительными понятиями, превышает число тех, кто ассоциирует его с отрицательными. В Швеции и Бразилии число сторонников и противников капитализма уравниваются друг друга, в то время как в Швейцарии, Чили, Италии, Великобритании, Германии, Австрии, Испании, Франции и России преобладают противники капитализма*.

Что же именно беспокоит людей в капитализме? Если посмотреть на общие выводы опроса, то это — в таком порядке — прежде всего мнение о том, что:

- в капитализме доминируют богатые, они определяют политическую повестку дня;
- капитализм ведет к росту неравенства;
- капитализм поощряет эгоизм и жадность;

---

* Подробнее о результатах этого социологического исследования рассказывается в другой книге Райнера Цительманна — «В защиту капитализма: развенчание популярных мифов» (М.; Челябинск: Социум, 2022). В главе 12 анализируется отношение к капитализму в России, в главе 13 — в мире.

- капитализм ведет к монополиям;
- капитализм побуждает людей покупать ненужные им товары⁸.

По мере того как крах социалистических систем постепенно стирается из памяти, многие в западном мире, похоже, перестают осознавать преимущества свободного рынка. Особенно это касается молодых людей, которые практически ничего не знают об экономических и политических условиях жизни в социалистических странах и не извлекли уроков из истории социализма.

Эта книга посвящена одному вопросу: какая экономическая система обеспечивает наилучшее качество жизни для большинства людей? Качество жизни определяется прежде всего, хотя и не исключительно, уровнем экономического благосостояния людей, а также уровнем их политической свободы. Хотя история дает много примеров того, как демократия и капитализм идут рука об руку, есть и случаи авторитарных режимов с капиталистической экономикой: к моменту принятия капитализма Южная Корея еще не была демократическим государством, как и Чили. При всех своих экономических успехах в качестве капиталистической экономики, Китай все еще управляется авторитарным режимом. Любые сравнения, проводимые между странами в этой книге, основаны только на критериях их экономических систем и экономических показателей. Это не означает, что политическая свобода менее важный аспект качества жизни — однако этот вопрос выходит за рамки настоящей книги и заслуживает отдельного исследования.

Как бы я ни был не согласен с предпосылками и аргументами, изложенными в книге Тома Пикетти «Капитал в XXI веке», во многом я разделяю его критику многих современных исследований в области экономики, которые демонстрируют «детское пристрастие к математике и чисто теоретические и зачастую очень идеологические рассуждения, которые препятствуют историческим исследованиям и сближению экономики с другими социальными науками»⁹. Вместо этого Пикетти выступает за «прагматический подход», который использует «методы историков, социологов и политологов в той же мере, в какой используются методы экономистов», и называет свою книгу

«и исторической, и экономической»¹⁰. Я сам получил первое высшее образование по истории и политологии и в дальнейшем защитил две докторские диссертации — по истории и социологии. Так что мой подход в этой книге — подход историка.

Основная претензия Пикетти заключается в том, что экономическая теория и социальные науки больше не уделяют внимания «вопросу распределения»: «Давно пора вновь сделать проблему неравенства центральной в экономическом анализе...»¹¹. Другие авторы опубликовали всестороннюю критику набора данных и методологических ошибок Пикетти¹², заставив его отказаться от некоторых основных положений своей книги¹³. Моя цель здесь — лишь указать на то, что я задаю совершенно другой вопрос, вопрос, который, на мой взгляд, для большинства людей имеет гораздо большее значение, чем озабоченность Пикетти «неравенством богатства». Вопрос о том, повышает или понижает капитализм общий уровень жизни, представляется мне гораздо более важным, чем любое предполагаемое увеличение неравенства богатства.

Пикетти сетует на увеличение разрыва между бедными и богатыми с точки зрения доходов и богатства в период с 1990 по 2010 г. Однако за тот же период в результате экспансии капитализма сотни миллионов людей — преимущественно в Китае, а также в Индии и других частях света — вырвались из крайней нищеты.

Что важнее для этих сотен миллионов людей: то, что они больше не голодают, или то, что богатство мультимиллионеров и миллиардеров, возможно, выросло в еще большей степени, чем их собственный уровень жизни? Как будет показано в первой главе этой книги, рост числа миллионеров и миллиардеров в Китае за последние десятилетия и массовое повышение уровня жизни сотен миллионов людей — это две стороны одной медали. И то и другое можно напрямую возвести к одному и тому же процессу — к переходу от социализма к капитализму, от плановой экономики к рыночной.

Вне всякого сомнения, капиталистическая глобализация привела к сокращению бедности во всем мире. Вопрос о том, привел ли рост благосостояния в ранее слаборазвитых странах к снижению благосостояния среди слоев населения с низкими

доходами в промышленно развитых странах Запада, т.е. в Европе и США, пока остается более спорным. В связи с ним позволительно отметить два момента. Во-первых: если это утверждение верно, поскольку люди с низким уровнем дохода теперь напрямую конкурируют с рабочими в развивающихся странах, то отсюда следует, что антикапиталистическое, антиглобализационное движение на Западе — вопреки их самопровозглашенной роли защитников прав бедных в странах Африки, Азии и Латинской Америки — в первую очередь поддерживает привилегированный статус-кво европейцев и американцев. Во-вторых, гипотеза о том, что глобализация привела к обнищанию широких слоев населения в Европе и США, сама по себе спорна. Проведенное в 2011 г. исследование Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) показало снижение реальных доходов 10% беднейшего населения с 1980-х годов только в двух странах — Японии и Израиле¹⁴.

Во многих случаях сообщения СМИ о тревожном росте бедности в развитых странах Запада основаны на исследованиях, которые определяют и измеряют бедность в относительных величинах. Например, в официальных отчетах о бедности и процветании, опубликованных правительством Германии, используется определение бедности, которое включает в себя любого, кто зарабатывает менее 60% от медианного дохода. Простой мысленный эксперимент показывает, что это определение в лучшем случае сомнительно: предположим, что доход увеличился в десять раз при неизменной ценности денег. Те, кто раньше относился к низшему разряду налогооблагаемой базы, получая 1000 евро в месяц, теперь получают 10 000 евро. Все их денежные заботы остаются в прошлом. Жизнь стала прекрасной для всех. Тем не менее при применении «формулы 60%» число людей, живущих ниже официальной черты бедности, остается прежним.

Для критиков капитализма, подобных Пикетти, экономика — это игра с нулевой суммой, в которой выигрывают богатые, а проигрывают средний класс и бедные¹⁵. Однако рынок работает не так. Критики капитализма всегда смотрят на то, как делится пирог; в этой книге я рассматриваю условия, которые заставляют пирог расти или уменьшаться в размерах.

Вот еще один мысленный эксперимент: какой из следующих результатов вы предпочтете? Предположим, что вы живете на острове, где три богатых человека имеют состояние по 5000 долл., а 1000 других — по 100 долл. Общее состояние жителей острова составляет 115 000 долл. Теперь вы должны выбрать между двумя вариантами. В одном случае в результате экономического роста общее богатство жителей острова удваивается до 230 000 долл. Богатство трех богатых людей увеличивается втрое — до 15 000 долл. у каждого; теперь они владеют 45 000 долл. А богатство оставшихся 1000 жителей острова увеличивается на 85% и достигает 185 долл. на душу населения. Разрыв в неравенстве между самыми богатыми и самыми бедными жителями значительно увеличился.

В другом сценарии возьмем общее богатство в 115 000 долл. и разделим его поровну между всеми 1003 жителями — 114,66 долл. на душу населения. Будучи одним из бедняков с базовым уровнем благосостояния в 100 долл., какое из двух обществ вы бы предпочли — экономический рост или равное распределение? А что произойдет, если в результате экономических реформ, направленных на достижение большего равенства, общее богатство острова сократится до жалких 80 000 долл., или менее 79,80 долл. на душу населения?

Конечно, вы можете возразить, что лучшим результатом был бы экономический рост и повышение общего уровня жизни в сочетании с большим равенством. Именно этого и добился капитализм в XX веке, что признает даже Пикетти. Приведенный выше мысленный эксперимент полезен как способ продемонстрировать фундаментальное различие между двумя конкурирующими системами ценностей. Тот, для кого борьба с неравенством важнее повышения уровня жизни большинства, сделает иной выбор, чем тот, кто считает наоборот.

Если вас в первую очередь интересует равенство, эта книга не для вас. Если же вам важно определить условия, при которых большинство людей живет лучше, — т.е. если вы считаете, что имеет значение, богато или бедно общество в целом, — пожалуйста, присоединяйтесь ко мне в моем путешествии во времени по пяти континентам в поисках ответов. Карл Маркс был прав, утверждая, что средства производства (технология,

оборудование, организация производственного процесса и т.д.) и условия производства (экономическая система) не просто неразрывно связаны, но и взаимно зависят друг от друга¹⁶. Однако, вопреки утверждению Маркса, решающим моментом является не то, что развитие средств производства предшествует изменениям в условиях производства. Гораздо важнее то, что изменения в условиях производства иногда могут вызвать развитие средств производства.

Капитализм является основной причиной глобального повышения уровня жизни в масштабах, невиданных в истории человечества до появления рыночной экономики. Человечеству потребовалось 99,4% его 2,5-миллионной истории, чтобы около 15 000 лет назад ВВП на душу населения составил 90 международных долларов (международный доллар — это расчетная единица, основанная на уровне покупательной способности в 1990 г.). Потребовалось еще 0,59% человеческой истории, чтобы удвоить мировой ВВП до 180 международных долларов в 1750 г. Между 1750 и 2000 гг. — за период, составляющий менее 0,01% от общей продолжительности человеческой истории, — мировой ВВП на душу населения вырос в 37 раз и достиг 6600 международных долларов. Другими словами, за эти 250 лет было произведено 97% всего богатства, созданного за всю историю человечества¹⁷. За тот же короткий период средняя ожидаемая продолжительность жизни в мире увеличилась почти в три раза (в 1820 г. она составляла всего 26 лет). Все это произошло не из-за внезапного роста человеческого интеллекта или промышленности — это произошло потому, что новая экономическая система, возникшая в западных странах около 200 лет назад, оказалась лучше любой другой до или после этого: капитализм. Именно эта система, основанная на частной собственности, предпринимательстве, справедливом ценообразовании и конкуренции, сделала возможным беспрецедентный экономический и технологический прогресс последних 250 лет — система, которая, несмотря на все свои успехи, все еще молода и уязвима.

1 | КИТАЙ: ОТ ГОЛОДА К ЭКОНОМИЧЕСКОМУ ЧУДУ

На протяжении тысячелетий Китай страдал от повторяющихся периодов голода. Не далее как в 1981 г. до 88% населения Китая жили в крайней нищете, а сегодня этот показатель составляет менее 1%. Никогда в истории мира сотни миллионов людей не поднимались из крайней нищеты в средний класс за столь короткое время.

Еще в конце XIX — начале XX века в Китае от голода умерло 100 млн человек. Если в то время причинами голода были стихийные бедствия, то события второй половины XX века были рукотворным, политически инспирированным кризисом. После прихода к власти в 1949 г. Мао Цзэдун хотел превратить Китай в яркий пример социализма. В конце 1957 г. он провозгласил «Большой скачок» как кратчайший путь к предполагаемому раю для рабочих. По словам Мао, Китай сможет обогнать Великобританию в течение 15 лет, тем самым раз и навсегда доказав превосходство социализма над капитализмом. Через официальную газету Коммунистической партии население было проинформировано о плане «обогнать все капиталистические страны за довольно короткое время и стать одной из богатейших, передовых и могущественных стран мира»¹⁸.

Великий голод

Самый амбициозный социалистический эксперимент в истории начался с того, что десятки миллионов крестьян по всей стране были вынуждены работать на масштабных ирригационных проектах без достаточного питания и отдыха. Вскоре на земляных работах в рамках крупномасштабных проектов по строительству плотин и каналов был занят каждый шестой китаец¹⁹. Изъятие огромной части сельскохозяйственной рабочей силы стало одной из нескольких причин голода, который

начал распространяться по всему Китаю. Партийные чиновники были беспощадны в своих усилиях добиться результатов: крестьян связывали за кражу овощей или убивали ножом за недостаточно усердную работу. Непокорных крестьян отправляли в трудовые лагеря. Вооруженные кнутами военные патрули ходили по деревням, чтобы убедиться, что все работают с максимальной самоотдачей²⁰.

В то время сельское хозяйство было основным источником дохода в Китае, и крестьяне составляли большинство населения страны. Во время «Большого скачка» частная собственность была полностью отменена, и крестьяне вынужденно переселялись из своих домов в бараки, похожие на фабрики, где жили порой вместе с 20 000 своих товарищей по несчастью. По всему Китаю насчитывалось 24 000 таких колхозов, или «народных коммун», со средним числом членов 8000 человек.

Мао сам отредактировал — и оценил как «великое сокровище» — устав первой коммуны в Хэнани, обязывавший все 9369 семей «полностью передать свои частные участки... дома, животных и деревья» и жить в общежитиях «в соответствии с принципами выгодного производства и контроля». Дома должны были быть «разобраны... если коммуне нужны кирпичи, черепица или древесина»²¹.

Мао дошел до того, что рассматривал возможность «заменить имена людей номерами». В Хэнани и других образцовых районах «крестьяне работали в поле в одежде с номером, пришитым на спине... Крестьянам не только запрещалось есть дома, их котелки и печи разбивались». Вместо этого их кормили в столовых, которые «иногда находились в нескольких часах ходьбы от мест, где люди жили или работали», заставляя их «переезжать на место расположения столовой», где они «жили как животные, втиснутые в любое доступное пространство, без уединения и семейной жизни»²². Каждое утро рабочие бригады маршировали на поля производственных сражений под красными флагами и с мотивационными лозунгами, звучащими из динамиков.

Результатом этого эксперимента стал, вероятно, самый страшный голод — и уж точно самый страшный рукотворный голод — в истории человечества. Основываясь на официальных

данных, китайский демограф Цао Шуцзи подсчитал, что в период между 1958 и 1962 гг. в Китае от голода умерло около 32,5 млн человек. По его подсчетам, сильнее всего пострадала провинция Аньхой, где погибло более 6 млн человек, или более 18% населения, за ней следует Сычуань, где погибло 13% населения (9,4 млн человек)²³.

Основываясь на анализе, проведенном китайскими органами государственной безопасности, и обширных секретных отчетах, подготовленных партийными комитетами в последние месяцы «Большого скачка», немецкий историк Франк Дикёттер приходит к значительно более высокой оценке: с 1958 по 1962 г. по всему Китаю избыточная смертность составила около 45 млн человек. Большинство из них умерли от голода, а 2,5 млн были замучены или избиты до смерти²⁴. «Другие жертвы были намеренно лишены пищи и умерли от голода... Людей убивали выборочно — потому что они были богаты, потому что медленно двигались, потому что высказывали свое мнение или просто потому, что по каким-то причинам не нравились человеку, который держал половник в столовой»²⁵.

Людей массово наказывали за выражение критики. Согласно отчету из уезда Фэнъян провинции Аньхой, 28 026 человек (более 12% населения) были приговорены к телесному наказанию или им был сокращен рацион питания; в результате 441 человек умер, а еще 383 получили тяжелые травмы²⁶.

Китайский журналист и историк Ян Цишэн в предисловии к «Надгробию», своему двухтомному исследованию Великого голода, которое было опубликовано в Гонконге в 2008 г. и запрещено в материковом Китае, вспоминает: «Голод, который предшествовал смерти, был хуже самой смерти. Зерна не было, все дикие травы были съедены, даже кора была содрана с деревьев, а для наполнения желудков использовались птичий помет, крысы и вата. На полях каолиновой глины голодающие люди жевали глину, когда копали ее»²⁷. Нередки были случаи каннибализма. Сначала отчаявшиеся жители деревни ели только трупы животных, но вскоре они начали выкапывать мертвых соседей, чтобы приготовить и съесть. Человеческая плоть продавалась на черном рынке вместе с другими видами мяса²⁸. В исследовании, составленном — и быстро положенным под

сукно — после смерти Мао для уезда Фэнъян, «только весной 1960 г. было зарегистрировано шестьдесят три случая каннибализма, включая случай с супружеской парой, которая задушила и съела своего восьмилетнего сына»²⁹.

Став жертвой развязанного им террора, руководство Коммунистической партии предпочло принять за чистую монету ложные отчеты о феноменальных урожаях, представленные народными коммунами. Коммуны, представлявшие реальные цифры, получали белые флаги в качестве наказания за недостаток революционного рвения, обвинялись во лжи и подвергались насилию. В предыдущие годы крестьяне действительно подавали ложные отчеты в некоторых случаях в знак протеста против повышения налога на зерно. Теперь же любой, кто утверждал, что ему не хватает еды, считался врагом социалистической революции и агентом капитализма. Простое заявление «я голоден» стало опасным актом восстания³⁰.

Бежать в места, где еще была еда, было запрещено, что привело к ситуации, которая, по словам очевидца, была «хуже, чем во время японской оккупации» (1937—1945): «Даже когда пришли японцы... мы могли убежать. [Теперь же] нас просто заперли, чтобы мы умирали дома. В моей семье было шесть человек, четверо умерли». Партийные кадры также должны были остановить «людей, “ворующих” для себя еду. Ужасные наказания были широко распространены; некоторых людей хоронили заживо, других душили веревками, третьим отрезали носы. В одной деревне после отчаянной мольбы родителей четверо перепуганных маленьких детей были спасены от погребения заживо за то, что взяли немного еды, только тогда, когда земля была им по пояс. В другой деревне ребенку отрубили четыре пальца за попытку украсть клочок незрелой пищи... Подобные случаи жестокости встречаются практически в каждом рассказе об этом периоде по всей стране»³¹.

Согласно официальной правительственной пропаганде, китайская экономика развивалась от силы к силе, постоянно достигая рекордных результатов во всех отраслях и предоставляя убедительные доказательства превосходства социалистической системы. Мао Цзэдун был особенно одержим производством стали как мерилom прогресса социализма, вплоть

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru